

Представления о здоровье и болезни в древнерусской языковой культуре

Попытка психологической реконструкции

Ф.Р. Филатов

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии здоровья факультета психологии
Южного федерального университета

Статья представляет собой попытку реконструкции специфических «эталонов здоровья», сложившихся в древнерусской языковой культуре и, по мнению автора, отражающих значимые психологические аспекты национальной картины мира. Привлекая материалы разноплановых семантических и культурологических исследований, автор показывает, как в ходе культурно-исторического развития формировались, дифференцировались и видоизменялись разделяемые «эталонные» представления о здоровье и болезни, восходящие к ключевой растительной метафоре: «здоровый — крепкий, как дерево». Понимание данных форм социальной репрезентации здоровья и болезни, по мнению автора, может быть востребовано как в медицинской, так и в психотерапевтической практике.

Ключевые слова: социокультурный эталон здоровья, социальная репрезентация здоровья и болезни, национальная картина мира, первичная (базисная) метафора, соборность.

Суть авторского подхода, предлагаемого в данной статье, выражена в знаменитом изречении В. Гумбольдта: «Каждый язык есть своеобразное мировиденье» [5].

Уже в классических работах В. Гумбольдта, М. Лацаруса, Г. Штейнтала и, позднее, В. Вундта предпринимались попытки исследовать «дух народа» и его ментальность, или, на уровне конкретно-научного анализа, коллективные представления и формы мышления по тем трансформациям, которые были произведены ими в семантическом составе и структуре языка. Следуя этой традиции, мы обратимся к русскому языку как к источнику этнопсихологических знаний, стремясь найти в живых и изменчивых языковых конструктах отражение специфически русской проблематики (национальной семантики) здоровья и болезни.

Почему, с нашей точки зрения, такой подход может оказаться ценным не только для филологии, но и для психотерапии и других оздоровительных практик?

Пытаясь прояснить для себя значение тех или иных базовых понятий, мы, как правило, подвергаем теоретическому анализу или обзору различные научные теории, в рамках которых эти понятия были наиболее глубоко осмыслены и наиболее точно определены. Вместе с тем мы часто и не догадываемся о

том, что широко используемые нами концепты, подобно образам сна, наряду с явным и общепринятым значением содержат скрытый психологический смысл. И этот недоступный сознанию смысловой компонент, отражающий длительную историю народа, оттесненный новыми культурными влияниями и забытый, тем не менее, играет свою роль в процессах социальной репрезентации соответствующих ему явлений.

Сказанное относится и к важнейшим для медицины и психотерапии понятиям «здоровье» и «болезнь». Очевидно, что их понимание определяет характер и направленность любой терапевтической практики. Но известна ли нам скрытая семантика этих концептов, к которой все мы исторически причастны как носители русского языка?

При анализе таких междисциплинарных проблем современная психология и психотерапия нуждаются в помощи сопредельных дисциплин — лингвистики, культурологии и истории, данные которых позволяют восстановить сложный социокультурный контекст, неосознаваемый нами в обыденном словопотреблении.

«Здоровье» и «болезнь» могут рассматриваться как специфические ментальные конструкты или концепты, отражающие этнопсихологическое своеобразие характерной для русского народа картины

мира. В наши дни не принято говорить о «духе народа», но мы можем констатировать, что имеет место такое ментальное образование, как «национальная картина мира» [6], отдельные составляющие которой выступают в качестве этнически специфичных модификаций или инвариант общечеловеческих ценностей, эталонов, моделей и других социокультурных универсалий. К числу таких инвариант и относятся рассматриваемые нами древнерусские представления о здоровье и болезни. Не будучи включены в законченную философскую систему или научную концепцию, они кристаллизовались и нашли яркое, символическое выражение в живом русском языке.

Авторские построения базируются на тезисе, согласно которому здоровье регулируется и конституируется как социокультурный феномен в соответствии с определенными представлениями и эталонными образцами, имеющими сугубо национальную/этническую природу. Национально специфичные образы здоровья и болезни несут в себе не универсальные, а скорее «локальные» коллективно разделяемые значения и выполняют регуляторную функцию лишь в пределах конкретных этнических групп и обществ. Анализу таких форм социальной репрезентации, которые постепенно дифференцировались и видоизменялись в процессе исторического становления русского народа, и посвящена эта статья.

Как, однако, выявить наиболее древние и глубокие смысловые структуры, как различить отголоски исторического прошлого в современных языковых конструктах?

Согласно Ю.С. Степанову [13], любое устойчивое понятие содержит в своей структуре наряду с *основным актуальным признаком*, под которым подразумевается его общепризнанное значение, также и *дополнительный «пассивный» признак*, объединяющий более ранние семантические компоненты, не актуальные в современном словоупотреблении. Обращаясь к данным лингвистических исследований, позволивших выявить такие дополнительные «пассивные» признаки, можно реконструировать древние, исторически первичные представления, на основе которых постепенно сложились и закрепились в языке изучаемые понятия.

Итак, в этой статье мы ставим перед собой задачу реконструкции и анализа тех специфических форм репрезентации здоровья или эталонных представлений, которые регулировали оздоровительную практику конкретного народа, не выходя при этом за границы, очерченные его культурным своеобразием. В указанных представлениях семантические элементы, заимствованные из различных (прежде всего византийских) культурных источников, причудливо сочетаются с национально специфичными идеями, верованиями и символическими построениями, отражающими неповторимый уклад жизни русского народа на разных этапах его культурно-исторического развития. Язык, подобно зеркалу, отражает все своеобразие этих представлений.

Приступая к анализу представлений, выраженных в древнейших языковых формах (таких, например, как русское приветствие «Здравствуй»), обратимся к исследованию крупного отечественного лингвиста и филолога В.В. Колесова «Мир человека в слове Древней Руси» [8]. Колесов пишет: «В древние времена слово *здоровье* не имело еще привычного для нас значения, произносилось иначе — *сѣдоровѣ* и значило «крепкий, как дерево»; употребление его по отношению к человеку было не более чем *метафорой*» [8, с. 94]. «*Сѣдоровѣ* по происхождению связано с выражением *su-dorv-o*, что буквально значит: из хорошего дерева» [там же, с. 211]. Известные с древнерусских времен приветствия «*Здорово!*», «*Здравствуй!*» образовались из пожелания быть твердым и крепким, «как лесное дерево» [там же].

Аналогичные данные мы находим и в статье Н.Е. Мазаловой «Народная медицина в традиционной русской культуре: «В русских обрядах и верованиях сохраняются представления о здоровье как о чем-то вещественном, что можно получить от природы. Существуют представления о *взаимосвязи человека и дерева*. Деревья считаются носителями жизненной субстанции, которая при передаче человеку трансформируется в его жизненную силу и здоровье. По-видимому, это один из архаических пластов представлений о здоровье, о чем, в частности, свидетельствует этимология слова: «здоровье» (общеслав.) от *dorvъ* — «дерево»; первоначальное значение слова «здоровье» — «подобный дереву (по крепости, высоте)» [11, с. 478–489].

Здесь необходимо сделать два принципиальных предварительных замечания, проясняющих все последующее изложение, а именно отметить:

1) *моделирующую роль метафоры в процессах социальной репрезентации здоровья и болезни;*

2) *наличие определенного социокультурного эталона здоровья, выступающего в качестве семантического основания повседневных оценок различных феноменов (в их отношении к здоровью / болезни) и, вместе с тем, служащего регулятором традиционных оздоровительных практик.*

В научной литературе неоднократно отмечалась *моделирующая роль метафоры*, не только формирующей представление об объекте, но и предопределяющей *способ и стиль мышления* о нем [1, с. 14]. Это в особенности касается так называемых «*ключевых метафор*», задающих аналогии и ассоциации между разными системами понятий и порождающих более частные метафоры. В этнографических и культурологических исследованиях прослеживается влияние ключевых метафор на формирование таких сложных интегральных образований, как национально-специфические образы или картины мира. По М. Минскому, метафора, обладая большой эвристической силой, способствует построению новых межсистемных связей и обеспечивает перенос знаний и опыта из одной проблемной области в другую

[там же]*. Метафорический «перенос» является одним из путей развития языка, способом расширения поля входящих в его состав значений.

Э. Кассирер [7] полагал, что язык и мифотворчество восходят к нерасчлененному духовному единству, «схваченному» базисной метафорой. По Кассиреру, то, что едва намечено первичной (базисной) метафорой, позднее конкретизируется и проясняется в более сложных языковых формах и конструкциях, в мифе, литературе, научном творчестве. Развивая идею Кассирера, мы полагаем, что результатом такой конкретизации или кристаллизации становится особое ментальное образование — *социокультурный эталон* — специфическая форма для конкретной этнической группы семантическая структура, на основе которой осуществляются оценивание и интерпретация различных феноменов социального бытия.

С одной стороны, в процессе исторического развития культуры и языка происходит расширение общего семантического пространства и соответствующей ему области социальной репрезентации. Оно обеспечивается путем постепенного разворачивания, раскрытия, уточнения и дополнения исходной (базисной или ключевой) метафоры, содержание которой включается в сложный и меняющийся культурно-исторический контекст. С другой стороны, наблюдается закрепление определенных смысловых нюансов, наиболее существенных для социальной практики какой-либо группы, их кристаллизация и объединение в устойчивые эталонные структуры.

Мы полагаем, что уже в исконных значениях, которые заключены в русском слове «здоровье» и в приветствии «Здравствуй!», заложен глубинный смысл и символизм, раскрытия которого достаточно для того, чтобы посредством современного научного языка реконструировать древнерусский «локальный» эталон здоровья.

Вернемся теперь к метафоре «крепкий как дерево». Можно констатировать, что в данном случае метафорический перенос был одновременно «магическим»: уподобление означало буквально наделение человека основными атрибутами Дерева, передачу индивиду главных и наиболее ценных его свойств. Свернутая и заключенная в слове «здоровье» ключевая метафора отражает наиболее глубинные пласты древнерусского мифологического мышления.

Характерно, что в ряду фразеологизмов сравнительной конструкции, используемых в русском языке для обозначения исключительного здоровья, «древесно-ориентированные» метафорические конструкции явно доминируют. Сравнения, скажем, с животными и другими природными объектами, качества которых оцениваются как атрибуты здоровья

(*здоров как бык* или *как боров*), встречаются не часто — по крайней мере, реже, чем в других славянских языках, где символами здоровья могут выступать, например, рыба, медведь, конь, а то и яблоко, свекла или даже камень / кремень (см. работу на эту тему Н.И. Толстого [14]).

Здесь уместен вопрос: почему люди Древней Руси желали друг другу быть подобными именно дереву, и что это означало? Какие смысловые нюансы передаются посредством такого метафорического переноса?

Для ответа на этот вопрос попытаемся прояснить символическое значение дерева в русской культуре. В истории «растительного символизма», связанного с образом дерева, можно выделить два существенных момента.

1. У древних русичей *любое дерево* вообще обозначалось словом «дуб». Как утверждает В.В. Колесов, в одном лишь «Словаре русских народных говоров» собрано чуть ли не две сотни слов, образованных от корня «дуб» и имеющих самые различные значения. «На семантическом развитии этого слова можно было бы показать всю историю славянской культуры» [8, с. 211]. Понятие «дуб» изначально было многозначным и представляло собой смысловой синкрет, одновременно обозначая и отдельное дерево, и лес в целом. «Даже сегодня в самом слове «дуб» мы осознаем такие противоположные значения, как «твердость» и «тупость», потому что выражения крепок как дуб и просто дуб рождают в нашем сознании разные образы...» [там же]. Но главное в том, что «и собираемость леса, и монолитность дуба понимались нерасчленимо, как не имеющие границ и подробностей своего состава...» [там же]. В древности самой общностью наименования как будто старались показать, что «лес или дуб (дерево) — это нечто цельное, что не дробится на части, а представлено слитной массой» [там же, с. 210].

2. Со временем старинное слово «дуб» связали с названием священного для язычников дерева, но случилось это довольно поздно, после того как появилось множество слов, позволяющих различать породы деревьев по их хозяйственным качествам.

Рассмотрим более подробно древнерусский синкрет «дуб — дерево — лес». Для Древней Руси это одно из важнейших понятий, или центральный символ, так как до XI в. лес был воплощением внешнего мира, всего, что окружает мир человека, питая, наставляя его, и в то же время может угрожать и быть губительным, что близко подступает к дому, однако противоположно и порою враждебно ему. Именно в этом полном опасностей мире древние русичи постепенно формировали свой особый

* В современной гуманитарной науке стало общепризнанным положение, согласно которому метафора (или метафорический перенос как особый способ мышления) обеспечивает прирост знания в различных областях опыта, в частности научного. Достаточно вспомнить о так называемой лингвистической метафоре, т. е. переносе языковых моделей на любые изначально нелингвистические феномены и объекты — системы родства, ритуалы, произведения искусства и т. д., — наблюдающиеся в семиотике XX века и в теориях структурализма.

жизненный уклад, наблюдая «удивительный порядок в протекании природных процессов, регулярное повторение великого цикла природных явлений» [8, с. 159]. Кроме того, лес поставлял древнерусскому человеку основной материал для обустройства его жизни (русское жилище — из дерева, тип поселения — деревня).

Между деревом / лесом и древним человеком существовала некая глубинная связь, «мистическая сопричастность», или партиципация, что, по теории Л. Леви-Брюля [10], согласуется с основными законами архаического коллективного сознания. «До настоящего времени в некоторых северорусских деревнях сохраняется обряд посадки дерева на новорожденного... Цель этого обряда — установить связь между деревом и человеком. Во время посадки дерева читается заговорная формула, в которой содержится пожелание человеку быть таким же сильным и крепким... Изменения, происходящие с деревом, свидетельствовали о том, что подобные изменения вскоре коснутся человека... Существовали обряды передачи человеку силы и крепости дерева прикосновением его веток. В вербное воскресенье людей и скотину били веточками вербы, произнося при этом заговорную формулу с пожеланием: «Не я секу, верба секет. Будь здоров». Считалось, что мытье в бане с березовым веником в праздник Иванов день обеспечивает здоровье на весь год» [8, с. 479].

О специфике русского восприятия дерева (леса) пишет Георгий Гачев в книге «Национальные образы мира». Главную особенность он усматривает в том, как своеобразно преломляется в сознании русича феномен Мирового Древа — универсальный мотив мировой культуры. «Оно встречается повсюду как «интернациональная модель». Однако акценты у разных народов поставлены по-разному: в Германии «ствол» — «штамм» задает смысл. В Польше в той же модели Древа Листва важнее ствола. Польская Липа (от листвы) или галльский Дуб (друидов), готическое древо Ель — таковы европейские «древесные» символы. «В России же не одиночное древо, но Древо как Лес является моделирующим. Артель и собор дерев... одиночное древо в русском сознании — это сиротство, как и личность отдельная — малозначительность...» [4, с. 270].

Как мы видим, именно лес, этот опасный и в то же время питающий внешний мир, предъявляет человеку и модель мироустройства, и идеальный образец его личности, которая должна быть крепкой и цельной, «как хорошее дерево». Однако с образом леса как слитной массы связывается и ранняя, еще неотрефлексированная идея сплоченности, коллективного бытия, собирания многих в одно. Как деревья образуют лес, так люди (родичи) собираются в род. «Лес — нечто живое, тот же род, только враждебный» [8, с. 210]. Само общеславянское понятие «род» имеет «лесное», растительное происхождение. (Первоначально «род» — *ordъ, производное от той же основы, что и «рост», «рас-

ти». Род буквально — «то, что выросло, выращено». Того же корня латинское слово «arbor» — «дерево»).

Лес в его нерасчленимом единстве выступал как природный аналог или символ рода; как лес, так и род в сознании древнерусского человека являли собой слияние единичного и общего в нечто одновременно монолитное, цельное и растущее, живое.

Под влиянием образа леса (дерева — дуба), как основного олицетворения внешнего природного мира, складывался и национальный характер — настолько длительным и глубоким было воздействие лесного окружения на эмоции, впечатления и нрав древнего русича. Бытописатель Древней Руси И. Забелин заметил по этому поводу: «У лесного человека развился совсем другой характер жизни и поведения, во многом противоположный характеру коренного полянина. Правилем лесной жизни было: десять раз примерь, один отрежь» [9, с.]. Отмечая особенности русского национального характера, Г. Гачев так характеризует значимую для русской культуры символическую взаимосвязь человек — дерево: «Дерево имеет очевидный контрапункт времени: оно расцветает вместе с весной и облетает осенью — в этом смысле его цикл связан с землей и временами года. Но оно стоит много лет, сотни, тысячу — и смерть его не видна человеку, так что для человека дерево — практически бессмертное тело отсчета (Мировое Древо, Древо Жизни)... Ритм жизни древесных народов — спокойный, неторопливый: спешить некуда, пределов нет, есть всходы. Итак, это от дерева добродетели русского человека: «стойкий характер», «терпение» [9, с. 271].

Присущая русскому характеру стойкость дерева, способность выстаивать благодаря крепости в любой сезон и при любых обстоятельствах, склонность к устойчивости и закоренелости сохранялась, несмотря на исторические метаморфозы. Согласно Н.И. Костомарову, в опасных и трудных жизненных условиях русские легко свыкались с лишениями и не дорожили жизнью, тогда как благоприятные обстоятельства способствовали погружению в «восточную негу», вялость, обрюзглость. Русский человек, согласно распространенным представлениям, имел крепкую, неприхотливую и нечувствительную натуру [9, с. 77–79].

Итак, первый и основной признак, который древние русичи желали другу заимствовать у могущественного дерева—леса, — это крепость, позволяющая выстаивать в любых жизненных обстоятельствах, сохраняя живую связь с природой и родом. «Крепкий» значит устойчивый и выносливый, а во внешнем своем облике, подобно хорошему дереву, высокий и могучий. Это исконное значение сохранилось в слове «здоровенный». «Здоровенный, ровно из матерого дуба вытесан» — так П.И. Мельников-Печерский характеризовал одного из своих заволжских героев. Крепкий — это «здоровенный», физически сильный, но не только.

С характеристикой «крепкий» напрямую соотносится диада противоположных характеристик «старый — молодой».

«Продолжительность жизни в древности определялась не по относительным датам рождения и годам, а по росту и силе человека; говорили о «возрасте» [8, с. 81]. Противопоставление молодого человека старому основывалось на той же растительной метафоре роста, возрастания. А применительно к дереву «расти» означает еще и «крепнуть». Понятие «молодой» происходит от *mold — «мягкий»; это обозначение, дающее представление о нежном и гибком, еще беззащитном существе, о неокрепшем зеленом ростке: «зелен виноград не сладок, млад человек не крепок» [12, с. 107]. На противоположном полюсе располагается понятие «старый» (от *star — «крепкий», т. е. зрелый [15, с. 747]; оно связано с представлением о «возросшем, зрелом, дошедшем до известного возраста» человеке [3, с. 36] т. е. предполагается «физиологическое возрастание и законченная зрелость» [8, с. 82]. «Старый» — это старший в роду, тот, который в случае надобности становится первым. Возрастные характеристики человека всегда находились в прямой зависимости от тех социальных функций, которые человек определенного возраста выполнял в конкретном обществе.

На Руси долго сохранялось свойственное древним славянам безразличие в отношении пола, социальной свободы, степени духовного и физического развития человека в период его юности. В лучшем случае дети и отроки воспринимались как подрост в лесу: как хозяйственная заготовка, не имеющая пока практической ценности для поколения зрелых совместно живущих людей, тогда как период мужества был очень важен. «Окрепнуть» и «возмужать» в данном контексте означает одно: «вырасти» подобно дереву, обрести зрелость, а значит и социальную значимость, стать «весомым» для своего рода, свободным и полноправным его представителем. Таким образом, «здоровый» в древнерусской традиции — это отнюдь не «молодой» (наиболее расхожая современная ассоциация), но «зрелый», доросший до того социального возраста, когда обретаются свобода и равноправие в пределах своего рода.

Итак, метафора «крепкий как дерево», подобно зачатку или зерну, уже содержит в себе богатый семантический потенциал древнерусских представлений о здоровом, сильном, зрелом человеке, тот потенциал, который раскрывается во всевозможных языковых образованиях, от пословицы до научного трактата.

Как можно заметить, эпитет «крепкий» соотносен и с понятием «свободный», означавшим во всех индоевропейских языках *«принадлежность к определенной этнической группе»*, в свою очередь, также обозначавшуюся с помощью растительной метафоры — от глагольной основы с общим смыслом «расти, развиваться» [2, с. 355]. Возрасти и окрепнуть, т. е. обрести здоровье в древнерусском его значе-

нии — все равно, что стать полноправным и свободным в своем окружении, т. е. своим среди своих. «Свободный» значит «свой». «Растет не один человек сам по себе, но весь род, все племя, все вокруг, что является или станет твоим... В подобной свободе — привилегия человека, который никогда, ни при каких обстоятельствах — не чужой» [8, с. 105]. Таким образом, здоровый — это полноценно включенный в род (этническую группу), принятый как безусловно «свой».

Корень *swos — это возвратное или притяжательное местоимение, не личное, оно относится к любому члену данного коллектива и выражает взаимно-возвратные отношения. «Целая группа лиц как бы сомкнулась вокруг «своего», важно родство породнения, а не по крови. Налицо исходный синкретизм понятия «свободный»: и принадлежность к определенной социальной группе, и сам по себе человек как член этой группы» [там же]. У славян также слово свобода — с древним суффиксом собирательности -од(а) — издревле обозначало совместно живущих родичей, всех «своих», и определяло в этих границах положение каждого отдельного, т. е. свободного, «своего» члена рода. Свобода обозначает свободное состояние, но только в границах своего окружения, рода.

Из всего вышеизложенного видно, что характеристика «крепкий, как лесное дерево», кроме всего прочего, означала свободный и достойный представитель своего рода, сумевший полноценно реализоваться в нем. Подобно дереву в лесу, растущему согласно природным законам, достигший зрелости и свободный человек живет в согласии с законами рода, и это вовсе не ограничивает его свободу, а как раз наоборот — гарантирует ее, поскольку «свободный» означает «свой», из того же дерева, той же породы.

Со словом «крепкий» соотносится и чрезвычайно значимое на Руси слово «добро». Прилагательное «добрый» имело сначала значение «крепкий» и «сильный» (добротная вещь), затем переместилось в другую сферу и стало оценкой по внешнему виду, красоте (доброта в древнерусском речении значит «красота»). Наконец, этот эпитет окончательно утвердился в качестве обозначения богатства материального и духовного. Соответственно этому, добрый человек — это человек богатый в житейском, материальном плане (много добра у него) и душевный, т. е. «добрый» в моральном смысле (много «доброе» в нем для других). В словосочетании «добрые люди» выражены как социальные признаки, так и нравственные характеристики, приписываемые определенной группе. «Добрый» одновременно «хороший», «славный», «сильный», «крепкий», «богатый», «щедрый», «великодушный», «здоровый» — все вместе, но каждый раз в определенном сочетании. В различных контекстах в качестве основного выступало какое-то одно из этих значений [8].

Характеристика «крепкий» не только связана по смыслу с физической силой, зрелостью и положени-

ем в роду, но также созвучна и многозначному (в частности, нравственному) понятию «добрый». Показательно, что до XVI в. собственно здоровьем (в современном понимании) считалось на Руси не физическое, а моральное благополучие; состояние, противоположное недугу, понималось как благо или как дар и награда за душевное и социальное здоровье. «Быть здоровым» значило скорее «быть добрым человеком», нежели просто «не болеть». Здоровье не противопоставлялось (диалектически) недугу, но сосуществовало параллельно с ним. Здоровью противостояло страдание (прежде всего, в моральном его аспекте), в то время как недугу — благо.

Потребовалась значительная эволюция взглядов и этнических стереотипов, чтобы приблизительно к XVI в. русское национальное сознание смогло воспринять более привычное для нас представление о здоровье как об оптимальном психофизическом состоянии человека. Произошло это в основном под влиянием «книжников», чья «книжная» мудрость формировалась относительно независимо от национальных влияний, преимущественно на основе античных и византийских культурных источников.

Подобно представлениям о здоровье, воззрения древних русичей на феномен болезни дифференцировались постепенно, в ходе длительного культурно-исторического развития.

Первоначально понятие болезни вообще не было четко определено и не использовалось в живой русской речи. В текстах, созданных и переписанных самими русичами, — в грамотах, записях, надписях на камне или черепице, т.е. в русских текстах бытового характера, словами, обозначающими боль и болезнь, не пользовались. Нет этих слов и в самых древних грамотах. И это при том, что летописи буквально пестрят сообщениями о морах, голоде и пожарах, предполагающих смерть и ужас каждодневных страданий, в которых жил средневековый человек. Первые упоминания о болезнях появляются в грамотах только после XIV в.

Самым распространенным верованием на Руси была вера в могущество слова — ему приписывалось наиболее сильное магическое влияние на человека. Поскольку и несчастье, и его причина (злой дух, например) определялись одним именем, то называть это наименование было опасно — это все равно, что поминать черта: можно одним упоминанием навлечь на себя беду. Поэтому слово, обозначавшее страдание (душевное или физическое), было под запретом. Его старались не произносить, дабы не причинить страдающему человеку еще больший вред, в силу чего оно и не дошло до нас.

Поскольку язык и сознание неразрывно взаимосвязаны, любое специфичное языковое явление предполагает определенные психологические корреляты. На наш взгляд, отмеченное отсутствие означенного имеет психологический смысл. Такое табуирование и умалчивание на психологическом уровне тождественно вытеснению: не будучи названной, болезнь как проблема или экзистенциальная данность

оказывалась за пределами поля сознания и не подвергалась отрефлексированию в качестве «моего состояния», «моего переживания», но оттеснялась в по-ту-сторонний, чуждый мир враждебных духов (аналогичный сфере бессознательного в психоанализе).

Итак, исследования показывают, что в домонгольской Руси не было самого общего слова, обозначающего болезнь. Однако известно, с помощью какого слова русичи пытались привлечь к больному человеку «добрые» силы. Стремясь показать, что он *силен и мощен*, говорили, что он *болен* (болеет). А его самого называли словом *боль*. Согласно древним представлениям, если в магическом действе называть человека сильным, то он станет сильным [8, с. 93–95]. Корень «боль» как раз и передавал значение силы, мощи, т.е. обозначал определенный ресурс, необходимый для восстановления здоровья. До сих пор в русском языке корень «боль» сохраняет первоначальное значение в словах «большой», «больше»; боярин — «старший помощник князя, выполняющий особую роль в дружинной среде» [15, с. 203]. Доказано, что в древности этот корень был в составе многих слов: *больма* — «больше, сильнее», *больство* — «превосходство, преимущество», *балий* — «врач», *бальство* — «лекарство».

Глагол «болеть» образован от прилагательного и выражает новое качество — побуждение к действию, в результате которого приобретает здоровье. «Болеть» значит «получать силу, выздоравливать», крепнуть (выздоровел — окреп). (Ср. «болеть» за дело — желать, чтобы оно было сделано как можно лучше; «болеельщики» — группа поддержки, усиливающая ту сторону, за которую «болеют»).

Учитывая моделирующую роль слова, мы можем предположить, что исконные древнерусские представления о болезни складывались и оформлялись под влиянием «активационной модели»: болезнь есть активация резервов и путь к выздоровлению.

Однако со временем произошло расщепление исходного значения, распад синкретичного языкового конструкта на полярные составляющие. Прилагательное «боль», обозначавшее сильного, здорового человека, породило два слова с противоположными значениями:

1. большой / сильный
2. больной / слабый [8, с. 94].

Когда к началу IX в. древняя магия слова стала ослабевать, «славяне в ходе дальнейшего общественного развития получили новые термины для обозначения болезни; нерасчлененность синкреты «боль» сменилась двумя самостоятельными понятиями» [там же, с. 94].

Процесс расщепления исходного значения был, естественно, значительно растянут во времени, а как это происходило, хорошо видно по изменениям значений слов «недуг» и «немощь». Рассмотрим их. Впервые у восточных славян эти определения входят в употребление после XIV в.: слово «недуг» — у

русских, слово «немач» — у белорусов. В первоначальном значении «недугъ» — «малосилие», но все-таки сила; недужный сохраняет силу (он тоже сильный, могучий, на что указывает корень дуг-, который сохраняется в современном слове «дожий»), но не всю, не полностью, а лишь отчасти. Поэтому слово «недугъ» по первоначальному значению ближе к «малосилию», а не к «бессилию». Отрицательная частица «не» в данном случае предполагает отрицание тождества при наличии сходства. Аналогичный пример: неklen — это клен, но маленький — не дерево, а куст. Также и недуг — хотя и малосилие, но все же предполагает наличие определенной силы. «К X веку старое значение уменьшительного не- совпало уже с новым значением отрицательного не-, которое до этого употреблялось только с глагольным корнем. В Лаврентьевском списке летописи в тексте (л. 21) «недугъ» уже можно понимать и как «бессилие» [8, с. 99].

Такое же развитие значения прослеживается и в слове «немошь». Сначала оно значило то же, что и недуг — «маломошь». К X в. наряду с «немошью» появляются и другие слова с тем же значением: «маломогы», «маломошь», «маломочи» — т. е. «немошен». Но слова «малодужный» в этом ряду уже нет. К данному времени слово «недуг» стало соотноситься с современным понятием «болезнь», а не «малосилие», и потому никаких замен на сходные с последним слова более не допускало. Также и в слове «немошь» постепенно стал акцентироваться именно недостаток сил, их нехватка. Теперь от немоши «подымались», ее «перемогали», от нее «отдыхали» [там же, с. 177—178]. Уже в одной из летописей XI в. «немошный» значит «трудный»; трудное дело — такое, которое ты бессилён выполнить. Позднее за немошью закрепилось значение слабости вследствие старости, дряхлости.

В результате постепенных смысловых преобразований «боль» с какого-то момента стала обозначать и больного, и — боль как страдание. В изменившемся смысловом контексте «болеть» означает уже «страдать от болезни», а не «выздоровливать».

Таким образом, осмысление болезни как нездоровья, т. е. бессилия, совершалось согласно следующей схеме:

— сначала говорили о болезни, подразумевая, что человек выздоравливает, набирает силу;

— затем, употребляя те же или сходные с ними слова, стали иметь в виду, что человек малосилён;

— наконец, прямо признали, что больной человек страдает от боли и в данный момент является бессильным [8, с. 94—96].

По мере того как за болезнью закрепляется значение бессилия, она конкретизируется в народном сознании, что порождает множественность частных ее определений при отсутствии единого, целостного представления о ней. Вместо того чтобы сказать, что некто болен, либо в первоначальном смысле (набирает силу), либо в современном (ему «нездоровится»), говорили о различных «напастях», злой судьбе

или наговорах, наступающих заболевшего. При этом болезнь воспринималась не в ее внутриличностном плане, как состояние организма и психики, как единое свойство или особенность человеческой природы, но скорее как внешнее чужеродное вмешательство, вторжение враждебных сил.

Когда болезнь (в качестве сущностной проблемы, рядоположной бессилию и страданию), поначалу не имевшая своего обозначения и вытесняемая, стала, наконец, распознаваемым феноменом, у нее появилось множество лиц или ипостасей. Поскольку она не осознавалась как единое явление, подлежащее изучению и «приручению», ее как бы не существовало в целостном виде, она всегда воспринималась с какой-либо одной стороны, в одном из множества ее аспектов. Для простого человека болезней много и они существуют вне его внутреннего мира как враждебные внешние силы. «Лихорадка, например, представлялась бесом-трящем. Этому бесу-трящею подвластны выходящие из огненного столпа двенадцать простоволосых девиц, дочерей Иродовых (Невея, Синя, Легкая, Трясуница, Желтуница, Мученица и т. д.) Их прогоняли заговорами, завязывали наузми (узлами) и описывали письменами» [11, с. 153—154]. Недуги узнавали постепенно и каждому давали свое имя: растъ — болезнь селезенки, трудъ — давление (в грудях трудно — значит «давит»), родимец — паралич, ворогуша — лихорадка, притка — падучая, зараза — чума и т. д.

Так на протяжении культурно-исторического развития в мифологическом сознании древнерусского человека происходила постепенная дифференциация понятия болезнь: от смутного демонологического представления о бесчинстве злых духов до выявления конкретных компонентов болезненного состояния, имеющих определенную локализацию в теле, т. е. уже соотносенных с внутренними (телесными и душевными) состояниями. «Именованье болезней постепенно усложнялось, обрастая новыми подробностями...» [8, с. 103]. Вербализация и осознание специфических аспектов болезни осуществлялась посредством их проецирования на внешний, чуждый мир враждебных сил, в сферу «чужого». Проекция внутреннего на внешнее — один из необходимых этапов осознания, первый шаг к отрефлексированию, тогда как присвоение мифического имени есть первичный момент конституирования болезни как социокультурного феномена, уже различного, представленного в коллективном сознании.

Нельзя не заметить одну особенность более позднего русского представления о болезни. «Болезнь признается существующей объективно, ее уже можно определить по внешним признакам, и прежней боязни неловким словом навлечь на себя беду уже нет. Однако по-прежнему каждая болезнь осознается сама по себе, независимо от другой... Болезнь объективирована, выделена уже как явление, но пока лишь как состояние определенной части тела, а не всего организма» [8, с. 103].

Тему страдания и связанной с ним боли (болезни) принесли с собой в русскую культуру книжники и христианские проповедники. «Понадобилось более 3-х столетий, чтобы русский народ, пройдя муки татаро-монгольского нашествия, принял в свой язык «терминологию боли», соотнес ее с обновленной системой представлений о мире. В самом конце XV в., сначала в Ростово-Суздальской земле, закрепилось слово «болезнь» как общее обозначение болезни в современном понимании, в связи с чем и прочие слова этого ряда изменили свое значение» [там же]. Слово «немоть» почти уходит из употребления — это церковное слово, но и его русский вариант «немочь» не находит применения. Что касается третьего слова — недуг, то оно стало употребляться как смягченный синоним к слову «болезнь» [8, с. 101].

Но в народном сознании болезнь по-прежнему неизменно приходит извне — это сила сторонняя, она кручинит человека и бьет, и он «не волен в себе». Другое дело, как ее понимать: просто ли это «припка» (причина — наговор) или «Бог зовет».

Мы показали, как болезнь постепенно объективировалась в русском национальном сознании. К концу рассмотренного нами исторического периода «болезнь стали лечить (лека — лечить лекарством), а не целить — с помощью колдуна или шамана (магии), т. е. словом доводить малосилые до полной — целой силы» [там же, с. 95]. Изначально распространенное на Руси представление о болезни как о моменте перехода и активизации жизненных сил в ходе культурно-исторического развития сменялось объективирующей интерпретацией болезни, акцентирующей ее внешний социальный компонент. Болезнь всегда была инородной и приходила извне, из чужого мира; но то, что происходило с болеющим человеком (процессуальный аспект болезни), первоначально интерпретировалось как прирост и восстановление сил, стремление души и тела превозмочь хворь, окрепнуть. Позднее болезнь стала напастью, от которой спасает лекарь или священник, а больной превратился в ослабленного или бессильного, нуждающегося в поддержке и помощи своего окружения, рода.

И в более поздние исторические периоды (XIV—XVI вв.), несмотря на ассимиляцию античных и христианских представлений, в которых присутствует идея индивидуальной ответственности за свое телесное и душевное состояние, русский народ оставался верен себе и, затрагивая вопросы здоровья или благополучия, неизменно переводил фокус внимания во внешний, социальный план; отсюда постоянная потребность обращаться за помощью в делах освобождения и исцеления к внешней влиятельной инстанции, будь то колдун, исцеляющий магическим словом, священник, проясняющий индивидуальные отношения с Богом и миром, или церковное сообщество, помогающее в деле искупления. Проблемы здоровья и болезни, оздоровления и душевного благополучия разрешались коллективным путем, посред-

ством символизации и ритуализации; мифопоэтическое и религиозное мышление в этих вопросах доминировало, в силу чего объективация и отрефлексирование указанных феноменов осуществлялись медленно, а индивидуальные оздоровительные практики (как технологии осознанной «заботы о себе») стали складываться достаточно поздно.

В семантическом поле рассмотренных нами древнерусских представлений о здоровье и болезни отчетливо просматривается общее концептуальное ядро — идея соборного отношения к указанным феноменам, вскрывающая их соотношенность с основополагающими проблемами жизни рода (народа).

Специфика русского образного восприятия феноменов здоровья и болезни долгое время сохранялась, несмотря на византийские влияния, через которые — благодаря «книжникам» — утверждался античный эталон здоровья с его идеей оптимального соотношения внутренних жидкостей и состояний.

В силу национального своеобразия здоровье в культуре Древней Руси не имело четко обозначенного и самостоятельного интрапсихического измерения или внутриличностного плана. В этом Русь была чужда античности. Исконно русское здоровье (или «крепость») может быть понято лишь в свете фундаментальных отношений «человек — род», т. е. во внешнем, социальном плане; связь с сообществом людей в данном случае имеет гораздо большее значение, нежели уподобление внутренней упорядоченности индивидуума единству Вселенной, характерное для античных текстов. Иными словами, *здоровье в древнерусской культуре — это качественная характеристика бытия человека как единицы рода*, что и выражено в ключевой растительной метафоре здоровья.

Русские деревья всегда собраны в лес, этот космос русского родового сознания. Одинокое растущее дерево — олицетворение горестной доли, кручины. В таком своеобразии национального мировосприятия и следует искать корни русского «лесного» здоровья: человек обретает крепость (тела и духа) в роду (как дерево в лесу), а род крепнет в каждом отдельном человеке.

«Дерево в лесу» или «дерево / лес» — это и смысловой синкрет, и эталонный образ — природный «прототип» человека в роду или человека как представителя рода. Этот эталонный образ воплощал такие качества, как прочность, надежность, зрелость, основательность, несокрушимость и монолитность. Именно эти качества должны были характеризовать человека, в котором его род проявился во всей полноте, без изъяна, именно такой конгломерат качеств позволял человеку быть «крепким как дерево» — «здоровым» в древнерусском понимании. Таков исконный древнерусский «лесной» (или, в более поздней модификации, «соборный») эталон здоровья.

Отметим, что в сознании древнего русича не было противопоставления Природы и Общества; скорее имела место аналогия природного и социального, что

объясняется особенностями восприятия древнего человека. Русский Лес — прообраз русской соборности — был одновременно живой средой, в которой древнему человеку необходимо было выжить, и символом рода, в котором ему предстояло занять свое, подбающее место. Здоровье, подобное крепости дерева, определяло возможности выживания человека и в его природном окружении (в лесу), и в границах рода. Подобно тому, как в античной культуре понятие «здоровье» может быть адекватно раскрыто в свете объемлющего его и фундаментального понятия «калокагатия» (общая характеристика благородного и цельного человека), русское понимание здоровья проясняется в свете основополагающей идеи соборности, общности свободно живущих людей. «В центре всех представлений о мире, изменяя названия и постоянно обогащаясь содержательно, всегда остается соборность — как внутренняя слиянность отдельного человека с социальной организацией, от которой к нему исходят силы и разум» (см.: [6, с. 24]).

Итак, на основе проанализированных данных этимологических, семиотических и культурологических исследований нами выявлен специфический «локальный эталон здоровья», характерный для древнерусской культуры. Анализ позволяет установить связь древнерусских представлений о здоровье с такими семантическими конструктами, как «крепость», «гармоничная включенность в род», «рост», «физическая и социальная зрелость», «свобода в гра-

ницах своего рода», «соборность». Перечисленные конструкты образуют тот особый культурный контекст, в котором понятие «здоровье» приобретает национально специфичное значение. Последнее сконцентрировано в растительной метафоре здоровья, составляющей семантическую основу этого понятия и отсылающей к древнерусскому эталонному образу «дерева / леса».

В свою очередь, представления о болезни прошли значительную эволюцию: от активационной модели (болезнь — процесс накопления сил и выздоровления) до ее отрефлексирования как состояния страдания и бессилия. Характерной чертой древнерусских представлений о болезни можно признать то, что болезнь неизменно оценивалась в свете основополагающей оппозиции «свое — чужое»: отразить чужеродное вторжение и окрепнуть можно лишь в кругу своих, сплотившихся вокруг больного. И в контексте христианских воззрений (грех и искупление) связь человека с социальным окружением, общность, а в пределе соборность (слиянность единичного и общего) остаются центральными моделирующими идеями.

Весь культурно-исторический процесс становления национально-специфичных способов репрезентации здоровья можно представить как постепенное раскрытие и детализацию ключевой растительной метафоры, которая, преломляясь во множестве семантических конструктов, достигла максимально полного выражения в исконно русской идее соборности, в образе крепких, вместе растущих деревьев.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
3. Гавлова Е. Славянские термины «возраст» и «век» на фоне семантического развития этих названий в индоевропейских языках // Этимология. М., 1967.
4. Гачев Г.А. Космо-психо-логос. Национальные образы мира. М., 1994.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
6. Домострой. М., 1990.
7. Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры. М., 1990.
8. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Ленинград, 1986.
9. Костомаров Н.И., Забелин И.Е. О жизни, быте и нравах русского народа. М., 1996.
10. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
11. Мазалова Н.Е. Народная медицина в традиционной русской культуре // Торэн М.Д. Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996.
12. Симоны П.К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. СПб., 1899.
13. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
14. Толстой Н.И. Заметки по славянской фразеологии: здрав као риба // Zbornik radova povodom 70 godisnjice zivota akademika J. Vukovica Sarajevo, 1977.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В. 4-х т. Т. 3. М., 1987.

Concepts of Health and Illness in the Linguistic Culture of Ancient Rus

F.R. Filatov

Ph.D. in Psychology, associate professor at the Chair of Health Psychology, Southern Federal University

The author makes an attempt to reconstruct specific 'health models which were developed in the linguistic culture of ancient Rus and which reflect, in the author's opinion, significant psychological aspects of the nation's mental image of the world. Basing on various semantic and cultural studies, the author shows how 'standard' concepts of health and illness referring to the key vegetational metaphor "healthy - strong as a tree" formed, differentiated and changed in the process of cultural-historical development. Exploring these forms of social representation of health and illness can be of much use both to medical and psychological practice.

Key words: sociocultural model of health, social representation of health and illness, national image of the world, initial (basic) metaphor, sobornost.

References

1. Arutynova N.D. Metafora i diskurs // Teoriya metafory. M., 1990.
2. Benvenist E. Obshaya lingvistika. M., 1974.
3. Gavlova E. Slavyanskije terminy «vozzrast» i «vek» na fone semanticheskogo razvitiya etih nazvanii v indo-evropeiskih yazykah // Etimologiya. M., 1967.
4. Gachev G.A. Kosmo-psiho-logos. Nacional'nye obrazy mira. M., 1994.
5. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu. M., 1984.
6. Domostroi. M., 1990.
7. Kassirer E. Sila metafory // Teoriya metafory. M., 1990.
8. Kolesov V.V. Mir cheloveka v slove Drevnei Rusi. Leningrad, 1986.
9. Kostomarov N.I., Zabelin I.E. O zhizni, byte i nrvah russkogo naroda. M., 1996.
10. Levi-Bryul' L. Sverh'estestvennoe v pervobytnom myshlenii. M., 1994.
11. Mazalova N.E. Narodnaya medicina v tradicionnoi russkoi kul'ture // Toren M.D. Russkaya narodnaya medicina i psihoterapiya. SPb., 1996.
12. Simoni P.K. Starinnye sborniki russkih poslovic, pogovorok, zagadok i proch. XVII—XIX stoletii. SPb., 1899.
13. Stepanov Yu.S. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya. M., 1997.
14. Tolstoi N.I. Zametki po slavyanskoi frazeologii: zdrav kao riba // Zbornik radova povodom 70 godisnjice zivota akademika J. Vukovica Sarajevo, 1977.
15. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4-h t. T. 3. M., 1987.